

**ОБЩИЕ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ
ЗАВОЕВАТЕЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ ИСПАНИИ И РОССИИ
В XVI В.**

Эпоха Великих географических открытий включила в «основной поток» мировой истории новые пространства Старого Света и Новый Свет, как таковой. В это время получили развитие некоторые особые процессы освоения не только территориального, но и социального пространства. Одними из главных процессов такого рода, проявившихся в ходе завоевательной политики стран-участников освоения пространства, стали процессы регулирования нового, осваиваемого пространства, или месторазвития (качественного пространства) [3, с. 905].

Среди первых освоение пространств в ходе завоевательных процессов начали Испания (в Новом Свете) и Россия (в Старом Свете). Названные страны являют собой типичные примеры геополитических субъектов, наступательная, завоевательная политика которых стала всего лишь продолжением и развитием длительной по времени предшествующей, оборонительной политики защиты своего пространства – эндемического поля (если использовать терминологию К. В. Плешакова [6, с. 32–34]). В случае Испании это Конкиста как продолжение Реконкисты. В случае России это наступательная борьба со Степью со времени падения монголо-татарского ига как продолжение оборонительной борьбы в условиях ига. В последнем случае импульс противодействия Золотой Орде и государствам-осколкам Орды привел русских завоевателей-первопроходцев в Сибирь.

Вместе с тем региональные особенности пространства, осваиваемого несколькими странами, или метаполя [5, с. 25], постепенно распадающегося на несколько геополитических новообразований стран-участников колониальных захватов, обуславливают некоторые существенные различия в методике геополитического освоения. Если Испания вступила в «новое пространство» – Новый Свет, ранее изолированное от (явного) воздействия «старого пространства» – Старого Света, то Россия только продолжила расширение тотального поля (непрерывного пространства [6, с. 32]) Европы – центра Старого Света. Сама став, под воздействием азиатчины-татарщины, «не совсем Европой». Причиной тому стало замедление темпов развития. Наметилась определенная асинхронность исторических времен центра Европы и ее периферии.

Если взирать на процесс «с европейской колокольни», то Россия продвигалась на Восток, будучи в большей части восточной страной. Страной с замедленным историческим временем по отношению к Западу, но более интенсивным, чем на Востоке. Россия выступала не авангардом Европы, а, скорее, крайним рубежом Европы, ее периферией, или «геополитическим арьергардом». Если так, то территориальная экспансия России, начатая завоеванием Казани, всего лишь расширяла пограничное поле [6, с. 33] Европы. В пограничное поле Европы (не отдельной страны, а всего цивилизационного пространства) превращалась целая страна. Что расширяет само понимание пограничного поля, обычно трактуемого как «территория, находящаяся под контролем данного *государства* (курсив мой. – С. М.), но недостаточно демографически, экономически, политически освоенная» [5, с. 24].

Парадоксальным образом именно экспансия России на Восток в значительной степени стимулировала экспансионистские устремления Европы против России. Европа явно стремилась создать Евразию усилиями России и затем ее поглотить. Ответным рефлексом стало «догоняющее развитие» как стремление выровнять ход исторического времени по Европе, проще говоря, – не допустить значительного отставания от Европы, этого «эталона исторического времени». Впрочем, «поворот Европы против России» случится несколько позже, его ознаменуют события «Смутного времени». Пока же Испания и Россия демонстрируют разнонаправленные векторы геополитического движения. Испания движется на Запад, в Новый Свет, Россия – на Восток, вглубь Старого Света.

Разность направлений экспансии дополняло различие преодолеваемых стихий. Это море и сухопутный ландшафт, способные влиять на события и даже подчинять их себе [4, с. 5]. Если Испания должна была преодолеть просторы Атлантического океана, то Россия взялась за покорение своего рода «сухопутного океана», как образно можно обозначить Дикую степь, обрамляющую Поволжье. Лишь по преодолении таких просторов страны вступили в неизведанные пространства, соответственно, Америки и Сибири.

В противоположность России, Испания развивала экспансию, будучи безусловно европейской страной – полноправной частью Запада. Тогда испанское пограничное поле следует рассматривать как классическую колониальную периферию, отделенную, к тому же, от метрополии водным пространством Атлантики. Здесь

нет геополитического тотального / непрерывного поля. А испанское «поле освоения», скорее, есть ее геополитическая опорная точка – место, находящееся вне основного / эндемического поля, причем коммуникации между данными полями затруднены [6].

Разное «качество» пространств испанского и российского освоения прослеживается на конкретных примерах столкновения держав с *организованными* объектами воздействия. Это Гранадский эмират (интересен для исследования как объект перехода от Реконкисты и Конкисте), империи ацтеков и инков и Казанское и Сибирское ханства. Завоевание Казани имеет аналогию с завоеванием испанцами Гранады. В том и другом случае имело место знаковое событие в борьбе с исламским миром. В Испании событие стало завершением Реконкисты, нечто подобное произошло и в России: «...здесь Средняя Азия под знаменем Магомета билась за свой последний оплот против Европы, шедшей под христианским знаменем государя московского» [7, с. 633].

Попарное сопоставление названных выше государственных образований имеет смысл именно в контексте их противоборства с довлеющей силой, поскольку взаимодействие «цивилизованной» страны с «варварским» населением, находящимся на стадии первобытнообщинного строя, не образует собственно завоевательную политику как политику подчинения иного *пространства-времени*, а есть, скорее, освоение одного только *географического и этнического (этногеографического) пространства*, так как первобытные племена, в целом, находятся вне *исторического времени*.

Пространство и время сопряжены в развитии общества, так как этногеографическое пространство, развиваясь как «месторазвитие» социума, с переходом общества на уровень (локальной) цивилизации, приобретает политическое качество, становится политически-географическим (геополитическим) форматом развития. Геополитическое пространство начинает развиваться по законам социально-исторического (или просто социального) времени, которые можно формализовать и моделировать. А. А. Давыдов предложил следующую модель социального времени: $T = f(x, y, z, t)$, где T – социальное время; x – прошлое; y – настоящее; z – будущее; f – функция, которая связывает прошлое, настоящее и будущее; t – календарное время существования социальной системы [2, с. 101].

Завоевательная политика как пространственно-временное освоение предполагает решение нескольких проблем, таких как:

1. Непосредственное разрушение суверенной политической системы государства, иначе говоря, – лишение его политической независимости, ликвидация независимого пространственно-временного поля. Тем самым уничтожается функция, объединяющая прошлое, настоящее и будущее. Целостность социального времени распадается, а время существования системы-цивилизации заканчивается.

2. Установление отношений с покоренной аристократией, точнее – ее частью, уцелевшей в ходе завоевания и перешедшей на сторону завоевателя. «Сателлитная аристократия» интегрируется в колониальный аппарат управления, образуя его средний и / или низший сегменты. Она порывает с собственным временем, включаясь в социальное время колонизатора.

3. Формирование системы господства-подчинения, или системы поддержания колониального господства и подавления антиколониальных выступлений, как методами репрессий, так и разными способами манипулирования общественными настроениями. Покоренный этнос, в массе, оказывается в ситуации разрыва пространства и времени. Народ (коренной этнос) существует на покоренном поле, но живет, замкнувшись в собственном времени, в своем мире традиций – собственного прошлого, в отчуждении от настоящего и без собственного будущего.

4. Экономическое и культурное освоение колониального владения / пограничного пространства с превращением (по возможности) пограничного поля в эндемическое (см. [6]). В результате, в определенный период, пространство и время значительной части общества (креолов Латинской Америки) интегрируется, что является залогом начала организованной антиколониальной борьбы.

К сказанному надо добавить, что, в любом случае, процессы освоения пространства в Старом Свете неизбежно отличались от схожих процессов в Новом Свете. Ввиду заведомо большего исторического опыта Старого Света, последний обязан был превалировать в процессе. Суть дела точно выразил Жюль Верн: «Старый Свет должен был позаботиться о нравственном и политическом воспитании Нового Света. Но оказался ли Старый Свет со свойственными ему ограниченными понятиями, полуварварскими стремлениями и религиозным фанатизмом на высоте своей исторической задачи?» [1, с. 93].

Литература

1. Верн Ж. Энциклопедия. Великие географические открытия / Ж. Верн. – М. : Эксмо, СПб. : Terra Fantastica, 2003. – Т. 1. – 800 с.
2. Давыдов А. А. Модель социального времени // Социол. исслед. – 1998. – № 4. – С. 4.
3. Дугин А. Г. Основы геополитики / А. Г. Дугин. – М. : Арктогея, 1997. – 928 с.
4. Иннес Х. Конкистадоры: История испанских завоеваний XV–XVI веков. – М. : Центрполиграф, 2002. – 391 с.
5. Нартов Н. А. Геополитика / Н. А. Нартов. – М. : ЮНИТИ, 1999. – 359 с.
6. Плешаков К. В. Геополитика в свете глобальных перемен // Междунар. жизнь. – 1994. – № 10. – С. 3.
7. Соловьёв С. М. История России с древнейших времен. 1463–1584 / С. М. Соловьёв. – Харьков : АСТ, 2001. – Кн. 3. – 992 с.

СИДОРОВ А. Н.

ВЕНГЕРСКОЕ ВОССТАНИЕ 1956-ГО И ЗАПАДНЫЕ УЛЬТРАЛЕВЫЕ

В октябре-ноябре 1956-го в Венгрии произошло наиболее мощное антигиталитарное выступление из тех, что имели место в восточном блоке вплоть до 1989 г. Восстание было подавлено советскими войсками. Бунт вспыхнул 23 октября 1956-го в Будапеште и вскоре распространился на всю страну. Повсеместно возникают новые органы власти – революционные и национальные комитеты в городах и областях, рабочие советы на предприятиях. В антигиталитарном восстании приняли участие самые широкие слои населения Венгрии и прежде всего рабочий класс.

Венгерские события 1956-го – это своего рода лакмусовая бумажка, позволяющая определить политическую позицию собеседника. Советская пропаганда объявила эти события фашистским мятежом, и до сих пор многие сторонники «реального социализма» советского образца продолжают защищать эту версию. По мнению антикоммунистов, венгры стремились реставрировать буржуазную демократию. Для многих современных национал-патриотов – это антирусский националистический мятеж непокорных вассалов. В современной Венгрии события 1956-го рассматривают лишь как национально-освободительное восстание и предпочитают не вспоминать о попытке повстанцев установить подлинную власть рабочих советов.

Лишь немногие сегодня вспоминают о венгерских рабочих советах. Память о том, что венгерское восстание было направлено